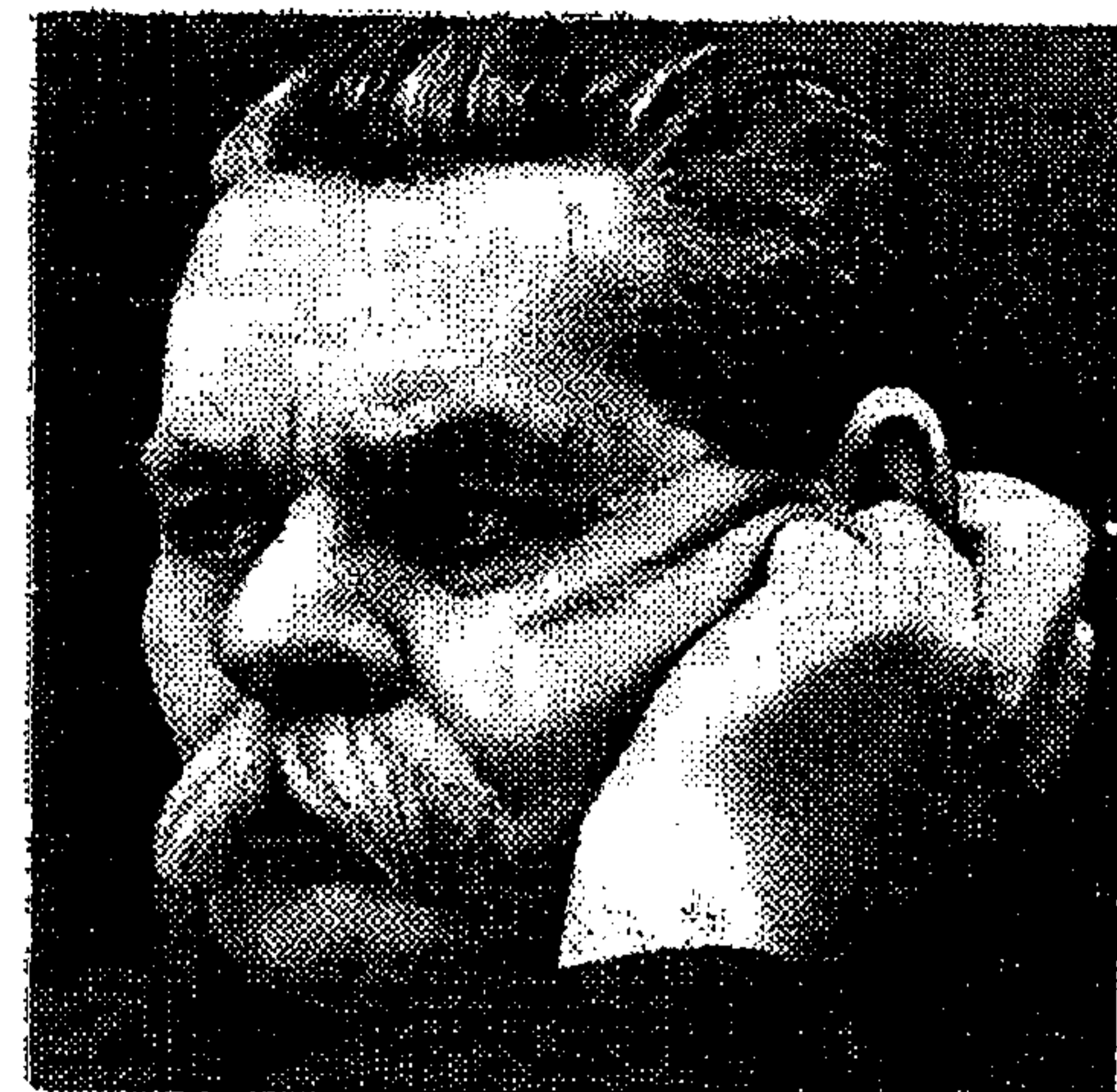

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Литературно-критический и
общественно-политический
журнал
Союза писателей СССР
и ЦК ВЛКСМ

Основан
А. М. Горьким
в 1930 году

Выходит шесть раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Д. ШЕЛЕХОВ. Путешествие по русским проселочным дорогам	3
М. ПЕТРОВ. Одиссея полковника Шелехова	12

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Дебюты и разборы

А. БОГАТЫХ. Стихи	19
М. ПРОРОКОВ. Между знанием и догадкой	24

Вторая встреча

И. ТАРАСЕВИЧ. Мы должны говорить друг с другом. Маленькая повесть	26
В. ПЬЕЦУХ. Это как будто ново	41
Ю. ПОЛЯКОВ. В преодолении моноприема	42

ВЕРНИСАЖ «ЛУ»

Н. КОРНЕЕВА. Изограф Оружейной палаты	44
В. АРТЕМОВ. Знак духовного возрождения	48

ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Беседы

«Кмен» — ветвь дерева	50
---------------------------------	----

Слово — молодым, слово — о молодых

А. МАРЧЕНКО. «Уши дэвов»	54
В. КУРБАТОВ. В осколке зеркала	61
Н. ШИПИЛОВ. Тоска по стилю	65
Конкурс одного стихотворения	69

К. ИСТОКАМ

Наши публикации

В. РОЗАНОВ. Письма 1917—1919 годов. Вступительная статья Евг. Ивановой. Публикация и примечания Т. Померанской .	70
---	----

Книги Нового Завета

А. КОЗАРЖЕВСКИЙ. О Новом Завете	89
К. ЛОГАЧЕВ. Русская Библия вчера, сегодня и завтра . . .	91
Евангелие Матфея. Перевод о. Леонида (Лутновского) .	97

Главный редактор
Владимир МАЛЮТИН

Редакционная коллегия:
Владимир ГУСЕВ,

Иван ДРАЧ,
Алексей ИВАНОВ —

редактор отдела
по работе с молодыми
авторами,

Виолетта КАШИРСКАЯ —

заместитель главного
редактора,

Люциан КЛИМОВИЧ,

Владимир КОСТРОВ,

Владимир ЛИЧУТИН,

Николай МАШОВЕЦ,

Александр МИХАЙЛОВ,

Евгений СИДОРОВ,

Константин СКВОРЦОВ,

Владимир СЛАВЕЦКИЙ —

редактор отдела

советской литературы,

Игорь СОБОЛЕВ —

ответственный секретарь,

Андрей ТУРКОВ,

Дмитрий УРНОВ,

Владимир ЭТОВ —

редактор отдела

теоретических проблем

«СТЕРТАЯ ПРЕЛЕСТЬ СТАРИНЫ...»

«Мечталось ли тебе, о сестра с безвременным взором, что в стихах моих когда-нибудь появится строка «стертая прелесть старины»?»

Этот вопрос Стефана Малларме я задаю себе всякий раз, когда в руки мне попадают пожелтевшие альманахи, книги, гравюры. И дело не только в склонности к древностям. В дореволюционных русских изданиях передо мной, переводчиком европейской поэзии прошлого, открывается весь мир. Возьмите наугад киевский «Чтец-декламатор» за какой-нибудь тринадцатый или шестнадцатый год и рядом с Брюсовым и ныне забытым С. Бобровым вы непременно встретите и Метерлинка, и Верхарна, и Эдгара По, и Оскара Уайльда. А теперь попытайтесь представить себе ту же картину в современном общесоюзном ежемесячнике.

Зарубежная поэзия стала для большинства русскоязычных читателей системой условных знаков. Мы о многом наслышаны, но мало в чем начитаны. Лучший пример тому — фигура Поля Валери. Для образованного человека на Западе — это блестящий эссеист, мыслитель, но прежде всего крупнейший французский поэт XX века. А для нас — автор нескольких стихотворений, писавший еще и «об искусстве». Упоминание о Валери нетрудно встретить в наших публикациях по литературоведению, живописи, музыке, но кто, скажите, прочел по-русски книгу его стихов? Вот только сейчас «Литературная учебка» публикует и рисунки поэта, и его стихи. Впрочем, говоря словами Джорджа Оруэлла, «не стоит притворяться, что в столетие, подобное нашему, хорошая поэзия может быть по-настоящему популярна. Она является и должна оставаться культом очень немногих людей, как наименее терпимое из искусств».

Нет, я отнюдь не имею в виду, что живо-

пись для Валери не важна. Ранние сонеты его почти иллюстративны, в них много от «парнасцев» середины прошлого века, от «медальонов и портретов» с их выпуклой лепкой. Детство и отрочество поэта были связаны со Средиземноморьем, и юный потомок корсиканских моряков уже мечтал о поступлении в капитанскую школу, когда в нем «развилась (по его собственному признанию) эта несчастная морская страсть к литературе и живописи». Но если о Бодлере Домье сказал, что тот стал бы великим художником, не предпочти он стать великим поэтом, то для Валери акварели, наброски на полях рукописей, автопортреты служили скорее дополнением к литературе. Более того, подобно его символистским стихам, живопись поэта навсегда осталась мечтательно-смутной, запоздало импрессионистской. И это в те годы, когда авангард давно опрокинул все привычные каноны творчества! Для четких, выверенных композиций Валери предпочитал архитектуру и математику, а в литературе — отточенные эссе. Но что удивительно: в поэзии Валери за внешней расплывчатостью внимательному читателю видна продуманная стройность, нанизанная на негнувшийся каркас классической формы, за пятнами акварелей — строгий рисунок, а за аскетической сухостью эссе — подлинное изящество безупречного стиля. Объединяющим началом здесь, как мне кажется, является третье жизненное пристрастие Валери — музыка, в терминах которой замечательно сказал он о своей главной, возлюбленной Музе:

«Поэзия — это тонкое прекрасное объяснение мира... это симфония, объединяющая мир, который нас окружает, с миром, который нас посещает».

Роман ДУБРОВКИН

Поль ВАЛЕРИ

ПРЯХА

*Lilia... neque nent**

**На пряху сонную лавины плавных звуков
Обрушил старый сад из растворенных окон,
Кружится колесо, певунью убаюкав.**

* Лилии... не прядут (лат.).

Пьяна от синевы и вьющихся волокон,
На жесткий стул она откинулась устало,
Из пальцев выпустив пуховый, теплый локон.

Над гаснущей листвой, прозрачнее кристалла,
Забил воздушный ключ, полуднем ослепленный,
И ветром лепестки по саду разметало.

Над подоконником качнулся куст зеленый,
Учтиво приклонив к заброшенной кудели
Тугую ветку роз, и зашептал — влюбленный.

А пряжа все прядет, как будто в самом деле
Веретенном ее, кружащимся впустую,
Волокна темноты нежданно овладели.

С небесной леностью сгущая тень витую,
Станок скрипучие наматывает бредни,
Рука ласкает шерсть — волнистую, густую...

Твой угол от цветов темней и заповедней,
Склоненный лоб листва увила золотая,
В закатной зелени пылает куст последний.

И роза юная — монашенка святая! —
Тебя девическим дыханьем убаюкав,
Поникла... Старый сад обрушил, облетая,

На пряху сонную лавины плавных звуков.

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Преджизненный озноб отчаясь побороть,
Исторгнутая в мир из материнской бездны,
На солнце, где прибой кочует камнерезный,
Алмазы горькие отряхивает плоть.

Еще не занялась улыбка, а на белом
Плече, отмеченном кровоподтеком дня,
Фетида разлилась, искристый дождь граня,
И волосы бегут по бедрам оробелым.

Обрызганный песок взметнулся вслед за ней,
И детский поцелуй стремительных ступней
Испила, зашуршав, сухая жажда впадин.

Но взор уклончивый предательски горел,
И в озорных глазах смешался, беспощаден,
Веселый танец волн с огнем коварных стрел.

КУПАЛЬЩИЦА

В бассейне белизна купающейся плоти
(Затопленных садов дрожащая листва),
А над водой, как шлем в плюмажной позолоте,
Горит отъятая гробницей голова.

Заколкой-розою восторг небесный явлен,
И, в зеркале открыв сокровищницу нам,
Пучком двойных огней исхлестан, окровавлен
Ушной изгиб, нагим обещанный волнам.

За призрачным цветком, лазурью отраженным,
Напрасно тянется размытая рука:
Плывет и, как во сне, колышется, пока

П. Валери. Гравюра к «Вечеру с господином Тестом».

**Другая, замерев над небом погруженным,
Взбивает золото незаплетенных кос:
Торопится прервать сверканье стрекоз.**

ВАЛЬВЕН *

**Распутать здешний лес мечтательно осмелясь,
Расплавься в шепчущем огне воздушных струй,
Что ослепительной листвою расшумелись,
И лодку быструю стихами зачаруй.**

**Белеющих бортов обласканные блики
Бегут над Сеною, покуда паруса
Предчувствуют косу, где полдень солнцеликий
Купает в синеве шюльские леса.**

**Но каждый раз, когда крикливые станицы
Дробят небесный свод, безмолвна и грустна,
Дрожит перед тобой пустая тень страницы,
Как всеми брошенный, бездомный парус на
Пришудренной реке, теченьями изрытой,
И Сена книгою лежит полураскрытой.**

* Небольшая деревушка на Сене, в лесу Фонтенбло, где провел последние годы жизни знаменитый французский поэт Стефан Малларме (1842—1898), оказавший исключительное влияние на творчество Валери.

ГРЕБЕЦ

Склонясь над лодкою, с тобой прощаюсь, лес!
Из наболевших рук не выпускаю весел.
Еще один откос, рывком, назад отбросил,
Я знаю: реквием реки сильнее небес.

Бесчувственно слежу, под мерные удары,
Как зреют на воде звенящие круги,—
О сердце черствое, разбить мне помоги
Прославленного дня ветвистые пожары!

По рощам прошлого рассеянно плыву,
По зацветающим муаровым разводам,
Морщинистую зыбь гоню по темным водам,
Сминая памяти намокшую листву.

Никто, о светлый день, никто с такой любовью
Тебе ответного удара не нанес,
Но солнце вырвало меня из детских грез,
Я к безымянному с тех пор плыву верховью.

Русалка заведет лесных, напрасно ты
Сжимаешь грудь мою в объятиях природы:
Я невод разорву серебрянобородый,
Уйду от ледяной шемащей наготы.

Неясный шум воды, как шелковистый полог,
Мои завесил дни, мой золоченый труд.
Я знаю: торжество старинное сотрут
Течения, чей плеск однообразно долог.

Вдали встают мостов покатые быки:
Там камень кольчатый нависнет, обступая,

П. Валери. Морской пейзаж.
Акв.

П. Валери. Каюта. Акв.

Там скукой сквозняков придавит ночь слепая,
Но кости лобные надменны и крепки.

Не скоро день. Душа, готовая к любому
Обману темноты, не подымает век.
По воле чутких солнц уверенный разбег
Несет меня назло бесплодью голубому.

РАВНОДЕНСТВИЕ
элегия

To look... *

Я стал другим... Зачем и кто меня здесь бросил?
Листва деревьев тяжела.

* Взглянуть... (англ.).

П. Валери. Корабли. Акв.

П. Валери. «Лошадь, редкая тема».

П. Валери. «Вариации к моей гравюре».

П. Валери. «Я в 1894 г.». Акв.

П. Валери. Гравюра к «Вечеру с господином Тестом».

Мой молчаливый лес навек обезголосел,
Сивилла прежде в нем жила.

Кто убаюкает ее теперь, чьи руки? —
Душа хоралом ключевым
Кипела в омуте, пока не стали звуки
Для птиц провалом гробовым.

На пепельном песке оставлены потомкам
Воспоминанья берегов;
Живым в загробный мир спускаюсь по обломкам
Давно изношенных шагов.

Психею потеряв без нити путеводной,
Смотрю, как в пропасти морской

Всплывают пузырьки ее гробницы водной,
Туманя ласковый покой.

Против сама себя, Она уступит бледной
Покорности закрытых век.
Уходит, верная, покинув мой бесследный,
Мой неодушевленный век.

А сердце все стучит, и стук подобен крику:
Пускай ее мне не вернуть,
У Персефоны я отспорю Эвридику,
Змеей ужаленную в грудь.

О солнце, тусклый страж кружащегося года,
В печаль влюбленное давно,
К забвенным берегам, откуда нет исхода,
Ты нежностью привлечено.

Свобода осени, раскованной простором,
Прозрачный, одинокий лес.
Мне стал понятен мир вчерашний, о котором
Одно известно: он исчез.

Под взглядом каменным едва ли ты постигла
Жестокость кратких «почему?» —
Стеною между мной и мной другим воздвигла
Ты содрогнувшуюся тьму...

Какие пропасти небытия повинны,
Что вечность сократилась вдруг?..
Опавший лист летит и на две половины
Годичный рассекает круг.

Покуда осень ваш пожар не укротила,
Кружитесь, хрупкие листы!
Последняя стрела поблекшего светила,
Меня, пронзив, разбудишь ты.

Осенний день листву развеял огневую
По склонам, по лесам пустым,—
Не странно ли, что я без страха существую
Под этим смерчем золотым!

Перевод с французского Р. ДУБРОВКИНА